

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию М.С. Чисталева «Восприятие Египта и египетской культуры в римском обществе (середина I в. до н.э. - начало III в. н.э.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история (Древний мир)

Диссертационное исследование М.С. Чисталева принадлежит к одному из перспективных и активно развивающихся в гуманитарных науках направлений, изучающих восприятие той или иной цивилизацией чуждой ей культуры. В данном случае речь идет степени влияния на Рим одной из древнейших в мире цивилизаций - египетской. Многие аспекты этой темы продолжают оставаться дискуссионными - это, как отмечается в диссертации, отношение к египетским религиозным культам в Риме и Италии в конце Республики и в период раннего Принципата, личное отношение императоров к почитанию египетских божеств, в особенности Исида и Сераписа, характер и степень распространения египетских и стилизованных под египетские артефактов на территории Римской державы и многое другое. Кроме того, обращение к историческому опыту прошлого помогает оценить характер и содержание межкультурных коммуникаций современности, что позволяет разработать научно обоснованные рекомендации для политики государства в области культуры - правда, здесь необходимо, чтобы власть прислушивалась к этим рекомендациям. Таким образом, тему исследования М.С. Чисталева нельзя не признать актуальной.

Основные положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации, их достоверность, представляются обоснованными. Это обеспечивается тем, что диссертант хорошо владеет материалом, анализируя практически весь комплекс имеющихся источников, привлекает обширную научную литературу вопроса: список использованных источников и литературы составляет 594 названия. Автор диссертации обладает необходимой лингвистической подготовкой и свободно ориентируется в столь обширном материале, используя как традиционные, так и новейшие методы исследования. Полу-

ченные результаты отличаются новизной и вполне соответствуют современному уровню науки об античности.

Можно согласиться с мнением автора о том, что, при всей сложности отношения в Риме и Италии к отдельным аспектам египетской религии и, в частности, к культу животных, египетская культура в целом воспринималась положительно и в чем-то была образцом для подражания. М.С. Чисталев утверждает даже (с. 214—216), что для римского общества I—III вв. н.э. характерна египтомания - тезис, который представляется слишком смелым и, во всяком случае, нуждающимся в дальнейших доказательствах.

В диссертации убедительно показано, как и по каким причинам эволюционировало отношение римских императоров к египетской культуре, включая ее религиозную составляющую: по мере усиления автократических тенденций это отношение становилось все более положительным. В этой связи обоснованным представляется то внимание, которое автор уделяет роли императоров династии Флавиев в изменении отношении власти и общества к Египту. Конечно, объяснять влиянием префекта Египта, эллинизированного иудея Тиберия Александра «увлечение Веспасиана, а затем и Домициана, египетской тематикой», можно лишь «отчасти», как верно замечает автор (с. 120). Причины были, несомненно, более глубокими, да и оба императора были не из тех, кто легко поддается чужому влиянию. Другое дело, что египетские идеи, относящиеся к божественному характеру власти фараона, каковым в Египте воспринимался римский император, соответствовали тем представлениям о принципате, которые разделяли Флавиусы, в особенности Домициан.

Трудно спорить и с тем, что, как констатирует диссертант, «результаты проведенного исследования свидетельствуют о перспективности дальнейшей работы по изучению оценки той роли, которую интеллектуальная элита римского общества играла в формировании образа египетской культуры» (с. 222).

Спорных положений и неточностей в диссертации М.С. Чисталева немало, но они все же, как и в любом интересном исследовании, есть. Так, в обзоре источников он упоминает «внимание, оказанное Проперцию Меценатом, старающимся всех поэтов включить в круг авторов, воспевающих действия Октавиана...» (с. 17). На это можно возразить, что Гай Цильний Меценат, сам не чуждый поэтического творчества, все же обладал достаточным вкусом, чтобы в орбиту его внимания попадали не «все поэты», а лишь наиболее, с его точки зрения, перспективные, что, кстати сказать, и отмечено в другом месте (с. 53), где сказано, что Меценат привлекал «на сторону власти *выдающихся* поэтов и писателей» (курсив мой. В.П.).

Династия Лагидов, к которой принадлежала знаменитая Клеопатра VII, имела, если быть точным, не греческое, как указано в диссертации (с. 56), а македонское происхождение.

Констатируя, что «к середине II в. до н.э. египетские культы достигли Поццуоли и Помпеев» (с. 102), автор пренебрегает общепринятой транскрипцией, в соответствии с которой эти культы должны были достичь Путеол и Помпей.

Анализируя политику власти в отношении египетских культов в конце Римской республики, диссертант указывает в отношении 43 г. до н.э.: «Тем же годом датировано сообщение Диона Кассия, согласно которому триумвиры Октавиан, Антоний и Лепид дали обет о строительстве к концу 43 г. до н.э. храма Сераписа и Исиды (XLVII.15.4). При этом нет никаких сведений о выполнении этого обета, что может быть связано с надвигавшимся противостоянием между Марком Антонием и Октавианом. Но поскольку данный обет был дан Антонием еще до выступления на его стороне Клеопатры, можно полагать, что Антоний преследовал собственные цели, не связанные с борьбой за власть в Риме.» (с. 108).

Если обратиться к тексту источника, то оказывается, что триумвиры действительно «в тот же самый год... постановили о храме Сараписа и Исиды». Судя по употреблению глагола *psefizo* (а не *bouleuomai*), решение это

было проведено через сенат или, что более вероятно, через комиции (как это было в случае с обожествлением Юлия Цезаря по закону Руфрена). Однако Дион Кассий ничего не говорит о том, что храм следовало построить в 43 г. до н.э. Это было абсолютно нереально, поскольку Второй триумвират был легитимизирован только 27 ноября 43 г. до н.э. Примечательно, конечно, что в разгар кровавой вакханалии проскрипций у новых хозяев Рима до конца того же года нашлось время и для заботы о египетских божествах, однако храм они вовсе не собирались строить немедленно (здесь можно вспомнить, что храм Марса Мстителя, соорудить который Октавиан дал обет по случаю разгрома Брута и Кассия при Филиппах, был завершён и освящён лишь сорок лет спустя).

Связывать решение о храме Сараписа и Исида только с именем Антония, как это делает диссертант, оснований нет: оно принималось триумвирами совместно (*epsefisanto*). Точно так же тогда не могла идти речь о «надвигавшемся противостоянии» Антония и Октавиана, поскольку в первую очередь им обоим и их коллеге Лепиду было необходимо ликвидировать угрозу со стороны республиканцев, утвердившихся в восточных провинциях.

Причину столь трогательной заботы триумвиров о Сараписе и Исиде определить не так уж трудно. Сам же диссертант указывает (с. 107 сл., 111), что культ этих божеств, с которым упорно боролся сенат (*senatus consulta* 59, 53, 48 гг. до н.э.), был широко распространён среди римского простонародья. Таким образом, проводя решение о сооружении храма, Антоний, Лепид и Октавиан, во-первых, заигрывали с плебсом, демонстрируя тем самым свою верность политической линии Юлия Цезаря, а во-вторых, что называется, ставили сенат на место, лишённый раз указав, что церемониться с ним не намерены, в том числе и в вопросах, которые традиционно составляли его прерогативу.

Удивление диссертанта вызывает тот факт, что в эпоху Империи египетские культы, получив наконец признание власти, были в конечном счёте вытеснены христианством, которое стало «к IV в. н.э. основной опорой императорской власти» (с. 131). Особого удивления это, однако, не вызывает: еги-

петские культы, включая культ правителя, были, в отличие от христианства, все же слишком экзотичны, чтобы стать универсальной религией. Кроме того, считать христианство основной (конечно же, идеологической) опорой императорской власти уже к IV веку не вполне корректно - гонение Диоклетиана, самая серьезная попытка покончить с этой религией, было еще впереди.

Выше в той же главе второй диссертации М.С. Чисталев, рассматривая репрессивные меры сената по отношению к культовым местам египетских божеств, указывает, что «ключевым в рассмотрении этих событий должен быть вопрос: кому было выгодно и кто мог извлечь политическое преимущество от повторных нападений на египетских богов в Риме?» (с. 110). Естественно ожидать, что на этот ключевой вопрос будет получен ответ. Однако на той же странице автор констатирует: «Следует отметить, что в силу отсутствия достаточного количества источников мы не можем определить, кто именно из римских политиков мог инициировать действия, направленные против египетских культов в Риме, и какие цели он преследовал».

По этому поводу можно сказать, что как раз исследователю политических событий последних десятилетий Республики на дефицит источников особенно жаловаться не приходится и, вероятно, следовало бы к анализу существующих, в первую очередь речей и писем Цицерона, отнестись более внимательно, чтобы не ограничиваться «коротким и суровым *pop liquet*», а предложить вполне определенное решение, хотя бы в качестве рабочей гипотезы.

Подобным же образом диссертант отказывается от формулирования собственной точки зрения, когда задается вопросом о социальной принадлежности адептов культа Исида в Италии и западных провинциях (с. 133). Полагаю, и здесь не стоило обходиться лишь ссылками на литературу вопроса.

Упоминая о положительном отношении Альбия Тибулла к египетской религии, противоречившем официальной позиции Августа и мнению большинства поэтов-современников, автор диссертации причину (опять-таки со ссылкой на имеющиеся исследования) видит в том, что этот поэт политикой

не интересовался (с. 137). Думаю, что причина эта все же иная и заключается она в том, что кружок Валерия Мессалы, бывшего офицера армии Брута, отличался, в противовес кружку Мецената, определенной (впрочем, дозированной и безопасной для власти) оппозиционностью в отношении нового режима, так что строки Тибулла о религии «страны пирамид» могут представлять собой своеобразную скрытую полемику с официальной точкой зрения.

Нельзя не заметить, что высказанные выше замечания касаются частных моментов диссертационного исследования и не влияют на его общую положительную оценку. Написана диссертация хорошим литературным языком и оформлена на должном уровне. Содержащиеся в ее конце Приложения удачно иллюстрируют текст исследования. Встречающиеся в диссертации опечатки немногочисленны, хотя, особенно в одном случае, автору следовало бы быть внимательнее: в его диссертации (с. 47, 248) Хайнца Хайнена (Heinz Heinen), выдающегося ученого, которого, к сожалению, больше нет с нами, можно принять за Генриха Гейне (Heine H.).

Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию на научных конференциях различного уровня. По теме исследования М.С. Чисталевым опубликовано восемь работ, четыре из них - в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат и публикации автора отражают основное содержание диссертации.

Положения и выводы диссертации могут быть использованы в научно-исследовательской работе, в преподавании курсов истории древнего мира, культурологии, истории мировой культуры, межкультурной коммуникации.

Таким образом, диссертация М.С. Чисталева представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для исторической науки. Работа является

оригинальным, законченным научным исследованием, в котором получены новые обоснованные результаты. Диссертация М.С. Чисталева ««Восприятие Египта и египетской культуры в римском обществе (середина I в. до н.э. - начало III в. н.э.)»» является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям, сформулированным в п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Чисталев Марк Сергеевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история (Древний мир).

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Виктор Николаевич
Парфенов

410054 Саратов, ул. Политехническая, 77
Телефон: 89276227772
Электронная почта: vparfenov@list.ru

10.02.2015.

Подпись профессора Парфенова Виктора Николаевича заверяю:
ученый секретарь Ученого совета СГТУ имени Гагарина Ю.А.

доктор технических наук, профессор

П.Ю. Бочкарев

10.02.2015